

ОВЧИННИКОВ А.В.

РЕЦИДИВ

Антон Владимирович Овчинников

Рецидив

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69185716

SelfPub; 2024

Аннотация

Вы когда-нибудь подвергали сомнению теорию "Большого взрыва», ведь теорию "Происхождения видов", приписываемую Ч.Дарвину, сегодня не подвергает сомнению только ленивый. Возможно, следует вернуться к вопросу – из чего сформировались все космические тела и откуда взялся человек? А можно задать еще один вопрос, на который у общедоступной науки по настоящий момент нет внятного ответа – откуда взялся и берется Разум?Безбрежный космос, окружающий нашу планету и Солнечную систему, не что иное, как внутреннее пространство живой клетки, являющейся частью невероятно огромного, живого и разумного организма – Вселенной. Галактики – живые клетки, а Солнечная система не более чем атом элементарного вещества, составляющего нашу галактическую клетку.А если человек сможет заглянуть внутрь себя, то что он там увидит, как вы думаете?

Содержание

Пролог	4
Дебют	7
Начало пути	20
Признание	34
Встреча с собой	53
Конец ознакомительного фрагмента.	66

АНТОН ОВЧИННИКОВ

Рецидив

Пролог

Ночь нехотя отступала перед первыми лучами солнца. Светло-карие глаза звезд меркли, подергивались голубоватой дымкой, словно закрывались полупрозрачными веками. Небо медленно наполнялось бирюзовым светом. Невесомые утренние облачка неторопливо плыли по небесному своду, сопровождая поздний восход осеннего солнца.

Крупная серо-черная птица уселась на толстую перекладину. Наклонив голову, присмотрелась черным глазом к своей цели и осторожно, бочком, то и дело, приседая, стала подбираться ближе. Добравшись до пересекавшего перекладину столба, птица повернулась, замерла и, наклонившись вперед, стала пристально высматривать что-то в покрытой длинной, свалывшейся шерстью туше падали. Выждав еще немного, птица стеснительно помялась с лапы на лапу, присела и, широко распахнув черный клюв, исторгла громкий клич. В лучах восходящего солнца ее грубая песня прозвучала, как начало недоброй, зловещей молитвы.

На другой конец широкой перекладины приземлилась вторая, такая же, как сестра-близнец, птица. Она боязливо

покосилась на свою соперницу и также опасно, бочком, стала подбираться к центру. Первая – торопливо взмахнула крыльями и перепрыгнула на так манившую ее неподвижную тушку, укрытую черным шерстяным покрывалом. Утвердившись на качающемся темном островке, смелая птица, одним прыжком приблизилась к краю, где покрывало заканчивалось и светлела неподвижная плоть. Вцепившись острыми когтями в свалявшиеся волосы, она свесилась вниз и куда-то клюнула, потом еще.

Вторая птица, потерла длинный клюв о грубую древесину перекладки и, вслед за первой, исторгла громкий резкий крик. Ее трапезничавшая товарка от неожиданности сорвалась и, расправив крылья, отлетела в сторону. Более находчивая птица тут же заняла место у кормушки и принялась доклевывать то, что начала первая. Но тут, опомнившись серо-черная товарка, сделав круг в небе, яростно спикировала на соперницу. Обе сцепились в драке и, в облаке серых перьев, взмыли ввысь. А с того места, где они только что по очереди завтракали, показалась тяжелая темно-красная капля и, повиснув, в первых лучах солнца, медленно полетела вниз.

Истошный вороний грай разносился над тремя крестами с повешенными на них неподвижными человеческими телами. Несколько серых перьев неторопливо спланировав, застыли на светлой коже руки, туго привязанной к перекладке креста.

Вдруг, на одном из крестов произошло еле заметное движение. Склоненное набок лицо, выпрямилось и открыло глаза, блеснувшие сквозь черную паклю волос.

– Отец... – послышался громкий шепот, – Ты обещал мне... Быструю смерть!..

Пересохшие губы с трудом складывали слова, язык сухой тряпкой тер разбитые палачами десны. Собрав все силы, последний, из оставшихся в живых, крикнул.

– Отец! Почему ты оставил меня!?!

В утренней тишине, наступающего Судного дня¹, сквозь безумное воронье карканье, со стороны Храма послышался далекий, чуть слышный напев Шахарит².

¹ Йом Кипур – еврейский праздник, отмечаемый осенью.

² Утренняя молитва (иуд.)

Дебют

– Ишь ты, какой голосистый!.. Хорошо гимны петь будешь... – пробурчал себе в бороду новоиспеченный отец, торопливо заворачивая маленькое, раскрасневшееся от ночной прохлады, тельце в толстый шерстяной плащ.

Животные в своих стойлах, разбуженные громким криком, взволнованно блеяли, мычали и тянули морды к людям. Ослица, заслоня собой осленка, негодуяще захрапела.

Женщина с теплотой наблюдала за суетой мужа у своих ног.

– Эммануил... – устало проговорила она.

– Что-что?.. – наклонился к ней мужчина с голосащим свертком.

– Его имя – «Богом данный»!..

За стеной слышались шаги и приглушенная речь. Мужчина насторожился, передал кричащего младенца матери, взял свой окованный дорожный посох и повернулся ко входу. Плетеная ширма, заменявшая дверь в хлеву, где нашли временный приют молодые люди, медленно поднялась, впуская в теплое помещение ночной холод и пожилого крестьянина с лампой – хозяина хлева, за спиной которого маячила фигура его старшего сына.

– Вот значит, что здесь!.. – сказал вошедший крестьянин, оборачиваясь к своему сыну, державшему наперевес боль-

шую дубину.

– А, а, а... Мы-то думали, что это шомронимцы³ к нам пожаловали... – ответил тот, опуская свое оружие к ногам, – Вон, как от входа то полыхнуло, думали, подожгли!..

– Что «полыхнуло»? – удивился молодой отец, отставляя в сторону посох.

– Да сейчас-то, как мы подошли, увидели что ничего. Показалось, видать! – объяснил пожилой крестьянин.

– Да, вы тут... Может надо чего? – добавил его сын, смущенно разглядывая ноги роженицы.

– Дров принесите, да воды поболее! – ответил молодой отец, пытаясь перекричать какофонию воплей животных и младенца, надвинув подол платья на ноги своей женщины.

—

В единственное окно маленькой комнаты глиняного домика светило утреннее солнце, яркой полосой высвечивая убогое убранство.

– Что мы теперь будем делать, Ёзиф? – молодая мать виновато смотрела на мужа, нежно прижимая к груди притихший сверток.

– Ты ставишь меня перед нелегким выбором... – проговорил сидящий перед ней мужчина, отводя глаза в сторону.

Она не нашла что ему ответить, сосредоточив все внимание на заворочавшемся младенце.

– Ты послушалась меня, Мириям. Теперь тебе пути даль-

³ Самаритяне.

ше нет. Но и обратно возвратиться одна ты не сможешь... – продолжил он, неторопливо роняя слова, – Мне придется вернуться с тобой, а значит – не выполнить поручение Аарона моей Общины!

Мириям подняла на него красивые глаза полные благодарных слез. Женщина, прижимая к себе ребенка, шагнула к сидевшему мужчине и раболепно опустилась перед ним на колени.

– Ты послан мне самим Яхве, как и этот младенец... – прошептала она, кладя голову ему на колени.

– Он всегда знает, что надо Его людям!.. – задумчиво сказал Ёзиф, поглаживая ее волосы.

– Ты рано вернулся Йозэф, – сказал со странным акцентом долговязый привратник, загораживая собой проход, – У тэбя ест, что перэдать нашему Аарону?

– Только слова, Барух⁴...

– Тогда говоры и уходы!

– Обещанное дитя со мной... И если мне нет здесь крова, то мы уйдем на север, откуда я родом.

– Врата общины закрыты только для тэбя... Дытё с матэрю могут найти здэс приют!

– Мириям? – спросил, отступая Ёзиф.

– Я нигде не останусь без своего мужа! – заявила стройная молодая женщина, закутанная с головы до пят в дорожный

⁴ Благословенный (ивр.)

плащ, прижимая к груди спеленатого младенца.

– Что ж, – проговорил Барух, склоняя голову, – Мир твоему дому, Марьям. Община будет всегда открыта для тебя и твоего рэбенка, добрая жэнщина!

Тяжелая створка ворот захлопнулась перед ними, и железный засов с долгим шелестящим скрежетом, занял изнутри свое место.

—

Какое прекрасное лицо у этой женщины, что кормит меня. От нее исходит столько ласки и тепла, как от солнца. Я ее так люблю!

– Как там наш маленький? Как там Эммануил?

А, эта патлатая рожа! Чего она делает рядом с моим солнышком? У него такие жесткие и твердые руки, что мне становится больно, как на раскаленной сковороде, когда они прикасаются ко мне. Еще эта черная колючая бородища, как туча!

– Ёзиф, все почему-то думают, что ишеи не притрагиваются к жэнщинам...

– В Общине нам запрещалось сходитья с жэнщинами, кроме молитвы! Мы должны были молиться и работать, что бы на плотские утехы не оставалось ни сил не времени... Мы сходились с женами только для продолжения рода...

– А были ли у тебя жены до меня?..

– Я с юности жил в Общине... На жену требовалось осо-

бое благословение Аарона, а я должен был лишь привести тебя к нам...

– А сколько раз вам можно было быть со своими женами?..

– Только во время зачатия, иначе мы уподобились бы язычникам... Но! Нашарет далеко от Кумрана и я больше не в Общине...

Что? Почему мое милое солнышко гладит эту ужасную лапу? Зачем эта туча обнимает и закрывает ее от меня!?! А, а, а?!?

– Сейчас... Милый, подожди, я только успокою Эммануила...

.....

Полдюжины рослых смуглых мальчишек, одетых в чемать-родила, обступили посреди улицы другого, более щупленького и светлого, замотанного в набедренную повязку.

– Смотрите-ка ромей⁵ погулять вышел! Ха-ха!..

– Не-е-е! Он к своим, в Цезарию⁶ шел, да заблудился тут у нас!

– Ребята, меня Эммануилом зовут! Я живу здесь, как и вы... – пытался оправдываться, не такой как все, мальчик.

– Какой ты наш!? Ты хоть знаешь о нашем Законе? О ша-

⁵ Римлянин.

⁶ Кесария палестинская – крупный греко-римский город на северо-западном побережье Палестины, резиденция правителей Иудеи.

бате?

– Да ничего он не знает! Ромейчик, одно слово!

– Он в прошлую субботу домики из глины лепил! Я сам видел! – презрительно плюнул ему под ноги один из местных хулиганов.

– А моя сестра рассказывала, что твою мать ромейский воин соблазнил, а Ёзиф-ишей тебя прибрал! – прокричал ему в ухо другой мальчишка.

– Да тебя, как язычника, ишей в Кумране хотели в жертву принести! На жаровне твои потроха изжарить!..

– А ты бы еще живой глядел бы на это, в полном изумлении и визжал! Йа-а-а-а!!! Йи-и-и-и!!! – завизжал, хватаясь за низ своего живота, третий.

– Аха-ха-ха! Уга-га-га! Буга-га-га! – загоготали шесть молодых глоток.

– Всем известно, что они там у себя свой храм построили, подземный, и жертвы приносят – таких ублюдков, как ты! Уха-ха-ха!

– Да ты!.. Вы все безумны! Ничего не знаете и твякаете как собаки на лошадь!.. – в исступлении закричал светлокожий мальчик, доведенный до отчаяния оскорблениями сверстников.

Он переводил гневный взгляд с одного говорившего на другого, нервно сжимая кулачки.

– Уж не ты ли тут лошадь?! – посерьезнел один из оскорбителей.

– Ах ты, сопливый ромейчик! – налетел на него другой.

Светлокожий малыш от толчка отступил назад и ткнулся спиной в другого голого мальчишку, который толкнул его обратно. Затем, все повторилось снова, только с боков. В конце концов, он оказался в дорожной пыли, у ног обидчиков.

– Бей ромеев!!!

– Смерть язычникам!

Шестеро крепких хулиганов набросились на одного. Тычки и пинки посыпались спереди и сзади, ткань с бедер слетела и путалась под ногами обидчиков. Закрывая руками голову и лицо, мальчик катался по земле, пытаясь уворачиваться от, сыпавшихся на него со всех сторон, ударов.

Из ближайшей подворотни выскочила пара мелких собачонок, таких же визгливых и агрессивных, как местные мальчишки, и принялась громко тявкая, бегать вокруг дерущихся, добавляя шума к происходящему безобразию.

– Ах вы, разбойники! Шомронимцы! – появилась на пороге одного из ближайших домов, пожилая женщина, – Вот я Вам! Я все вашим отцам расскажу, когда они домой вернутся!

Хулиганы замерли, а потом бросились врассыпную, оставив в дорожной пыли неподвижное светлое тельце. Одна из отчаянно тявкавших собак, подбежала, обнюхала и тут же, заскулив, бросилась прочь.

– Ай, ай-яй-яй! – всплеснула руками пожилая женщина, – Да это ж сынок Мириям и Ёзифа!..

.....

«Дом, милый дом...» – я лежал в своей кроватке, на соломенном тюфяке, укрытый теплым овечьим одеялом. И видел сон, так словно все это происходило со мной наяву.

«Как достали все на работе... Директор – дурак!.. Сотрудники – лентяи! Все прикидываются идиотами. Еще и живот разболелся к вечеру... Проклятье! Только бы не опять...»

Я снимал с себя тяжелую верхнюю одежду и вешал ее на изогнутые крючки, торчащие из стены.

– Мама, привет! – мой самый светлый и любимый человек прибежала на звук открывающейся двери и обняла меня за талию.

– Тихо, тихо, Светочка, – ласково отстранил я дочку, – У мамы все болит...

– Мамочка, скорей проходи! – перебила меня Света, – Ты, наверное, кушать хочешь? Я такую кашку сегодня сделала, Барби и Кену⁷ очень понравилась. Пошли, мы тебе специально оставили!

– Спасибо, родная... Но я пока ничего не хочу... – ответил я дочурке не своим голосом, ласково улыбнувшись.

Переделалась, помыла руки, прошла на кухню. Хотела поставить кофе, но боль в животе заставила опуститься на стул.

«Боже, боже, боже мой!.. Опять начались эти боли в живо-

⁷ Детские игрушки – куклы серии Barbie.

те, отдающие в спину! Лежать, сидеть, ходить, просто невозможно... Неужели опять?.. За что же такие мучения!?!»

Хотела пройти в комнату, где были мои старые лекарства, но страшный укол внутри парализовал ноги! Сделав неловкий шаг, я опустилась на пол. Боль стала нестерпимой, чтобы не закричать и не испугать дочку, я крепко сжала зубы и зажмурила глаза.

– Мамочка, мама! Тебе плохо? – Светик стояла надо мной и ласково, с детской непосредственностью, гладила по плечу, – Давай я тебе помогу?..

– Телефон... – чуть слышно прошептала я непонятное слово.

– Сейчас, сейчас!.. – заторопилась дочка. Ее личико передо мной исчезло, слышался приглушенный топоток.

– Вот! – дочурка приблизила к моему лицу гладкую тонкую дощечку – мобильный телефон, всплыло из памяти название, – Что? Кому ты хотела позвонить?

– Скорая... набирай... пожалуйста...

– Аллё! – серьезным голосом, копируя меня, сказала Света в телефон, там что-то ответили, спросили.

Ее лицо исказила судорога, рот поплыл в сторону, а из глаз потекли слезы...

– Скорей, маме очень плохо! Скорее!.. – сквозь слезы прохныкала она в телефон.

Ее слеза обожгла мне руку... Всегда такое милое, любимое личико было обезображено невыразимым горем.

– Мама, я не хочу, чтобы тебя опять увезли... Я не хочу опять к папе... Там эта, его... Мам, ну пожалуйста, не бросай меня!..

Глаза защипало от слез, дыхание перехватило! Мое сердце разрывалось от безысходности, добавляя страданий – «За что?»

Боль наполняла меня всю без остатка, тянула куда-то в сторону, приглашая погрузиться во мрак забвенья, обещающего скорое избавление.

И только светлый образ моего Светика удерживал сознание в этом мире. Заплаканное лицо единственной дочки в обрамлении золотых волос давало мне силу сопротивляться боли, оставаясь в сознании.

Руки, ноги, живот, грудь – все болело, тяжелая голова взрывалась болью при каждой попытке повернуться. Страшно хотелось спать, но закрывая глаза, передо мной снова и снова проходили события вещего сна. А эта девочка, такая чистая и прекрасная, почему-то называла меня мамой?.. А я, значит, чем-то болел... Другие люди... какая-то невероятная окружающая обстановка!.. Где это? Что это? Зачем?.. Я был поражен силой того человека, страдающего от страшной болезни, я хотел бы стать таким же сильным, но я снова проваливался во тьму забвения.

.....

– Ёзиф!!! Ёзиф! Плотник Ёзиф!.. – на пороге дома, в распахнутой накидке с не покрытой головой, стоял взъерошенный садовник Шимшон, позади него, у ограды, виднелись еще несколько встревоженных мужчин – жителей деревни.

– Помоги нам Ёзиф! – вступил на порог садовник, ударяя себя в грудь, – Мой сын!.. Мой единственный сын, болен! Вот уже третий день! Он лежит в постели и лает, как собака, а бывает, что воет! Он не встает, не ест и не пьет!.. Если такое продолжится, то мой сын умрет! Ёзиф!.. Еще также страдают сыны Дова и Йорама, и в семьях Леви и Мордехая такое же горе! – указал он на стоявших у забора мужчин, – На наши семьи пало какое-то проклятье! – закончил садовник, не отрывая напряженного взгляда от Ёзифа.

– Что случилось, почтенный Шимшон? Как я могу помочь вашим детям, если с моим сыном еще худшая беда?..

– Какие-то разбойники изувечили нашего ребенка и бросили умирать на дороге! – появилась за спиной мужа беременная Мириям.

– Ай-яй-яй! Нехорошо притворяться, Ёзиф! Старая Геула говорит, а она знает! Что это твой сын проклял наших детей! Ты его отец, Ёзиф, прикажи, что бы он снял свое черное проклятье... – продолжил садовник, не слушая Мириям, и шагнул под крышу их дома.

– Да в своем ли ты уме, сосед!? Что такое проклятье и кто такой мой сын, которому нет и шести весен!..

– Ёзиф, Ёзиф!.. – всплеснул руками садовник, – Когда ты

пришел к нам, в свой ветхий отчий дом, мы приняли тебя с твоей семьей, как родного! Мы все вместе помогали тебе отстраивать твой дом! И чем ты хочешь отплатить нам?.. Наши дети лишились разума и скоро умрут! У наших семей не останется будущего! И виноват в этом будешь только ты!

Его глаза светились каким-то яростным, диким блеском. Брызгая слюной, он решительно наступал на Ёзифа, тыча коротким пальцем ему в грудь. Тот, будучи вдвое выше его, удивленно отступал, пока не уперся спиной в детскую кровать со спящим Эммануилом.

– Замолчи, лгун! – вдруг раздался звонкий детский голос.

– И твоя... – взъерошенный садовник замер с открытым ртом, злые слова, приготовленные для оскорбления хозяев дома, застыли у него на языке.

– Они сами прокляли себя, набросившись на беззащитного, как голодные псы на котенка! Они не умрут! Но и не встанут, пока истерзанный ими не поднимется с этой постели!..

Шимшон набрал воздуха, чтобы продолжить, но тут же закрыл рот, увидев перед своим лицом огромную, растопыренную ладонь Ёзифа. Взгляды взрослых остановились на маленьком тельце, лежащем на соломенной подстилке, под толстым одеялом.

Эммануил спал...

...

– Ёзиф, что нам делать? Эмила здесь совсем не принимают... а после того случая, я боюсь отпускать его из дома...

Голос матери звучал с соседней кровати, но казалось откуда-то издалека, очень хотелось спать.

– Я думал предложить тебе отвести его к братьям, в Кумран, там он будет в полной безопасности и многому научится...

Мама ответила что-то совсем тихо.

– Ты снова тяжела другим дитем, поэтому, когда он достаточно окрепнет, я сам отведу его...

К концу весны у меня появилась маленькая постоянно кричащая сестренка. Кроме того, я достаточно набрался сил, чтобы двинуться с отцом в долгую дорогу. И по правде говоря, я был рад покинуть наш дом, что бы в дороге, наконец, выспаться. По пути в Кумран, мы планировали навестить мамину сестру Елизавету, жившую в Вифлееме, с мужем и сыном – моим двоюродным братом.

Начало пути

Долгая дорога представлялась мне каким-то новым, увлекательным приключением. Наш путь пролегал по оживленному маршруту, на котором кого только не встречалось, попадались калеки, ковылявшие за подаянием и прокаженные. При виде согбенных фигур, закутанных с ног до головы в грубую, дешевую ткань, отец переводил меня на другую сторону дороги.

– Если не хочешь, что бы у тебя лицо стало, как львиная морда и страшно заболели, а потом отвалились пальцы, – говорил мне папа, – Держись от таких подальше!..

Также мы выдели торговцев разным мелким товаром с большими мешками и разноязычных ремесленников со своими громоздкими инструментами на тележках. Попадались и воины с длинными копьями и прочными щитами за спинами. Но больше всего на дороге было людей с детьми, нагруженных узлами и корзинами, изможденных и уставших, словно они пришли сюда с другого края мира. Среди них совсем не встречалось взрослых мужчин, женщины и подростки тащили волокуши со своим нехитрым скарбом, и часто поверх кучи тряпья сидели младенцы или лежали дряхлые старики.

– Пап, а куда идут эти бедные люди? – спросил я у отца, – У них, что совсем нет своего дома?

На что он, помрачнев, процедил сквозь зубы.

– Проклятые мытари⁸!..

– Эти люди все мытари, да? – спросил я его громко через некоторое время.

Проходившая нам навстречу женщина с волокушами повернула, искаженное злобой лицо и, бросив волокуши, крикнула мне.

– Замолчи, маленький глупец! А ты, – обратилась она к моему папе, – Научи, наконец, своего заморыша правде! А лучше, отведи его на рабский рынок в Цезарию, где, продав его, ты, быть может, сможешь выкупить моего мужа и старшую дочь!..

Зарыдав, она поволокла дальше оглобли от повозки с привязанными к ним перекладинами, на которых среди наваленных тряпок сидели двое годовалых младенцев, которых поддерживал тощий оборванный паренек, злобно сверкнувший на нас глазами.

Отец мрачнее тучи отвел меня на обочину, присел передо мной и, глядя в глаза, сказал.

– Слушай, Эмил! Если ты не знаешь о чем-то, тем более о людском горе, то не смей говорить вслух, что первым взбрело тебе в голову! Понял?

Я только испуганно кивнул ему головой...

⁸ Налоговые агенты Римской империи, имевшие право собирать подати с жителей римских областей, на свое усмотрение. Зачастую, люди, не имевшие что заплатить в казну, продавались в рабство.

– Запомни одно, – продолжил отец, – Мытари, это зло! Многие добрые люди теряют из-за них все нажитое, а некоторые, даже жизнь и свободу...

А однажды, нам попалась кавалькада странных всадников в шлемах, блестящих на солнце, с разноцветными гребнями на макушках и в пурпурных, наверное, очень дорогих, плащах, развевавшихся за ними на скаку.

– Ромеи... – прошипел отец в негодовании, отступая перед ними с дороги.

...

Наконец, в канун великого праздника Хаг-Шавуот⁹, мы пришли в Вифлеем! Нас радушно приняли в доме моей тетушки Елизаветы (маминой старшей сестры) и ее мужа – почтенного цадукея¹⁰ Захарии.

– Как вы дошли, была ли легка дорога? Как мой ненаглядный племянничек, не сильно устал? – приветливо встретила нас Елизавета, указывая слугам, что бы разули и подали воду с полотном.

– Привет, я Йоан! – протянул мне руку мальчик примерно моего возраста.

– А, познакомься со своим двоюродным братом, Эмил. – Подбодрил меня отец, вытиравший себе ноги.

⁹ Или Пятидесятница – праздник дарования Торы после исхода евреев из Египта.

¹⁰ Цадукее или Садукеи (греч.) главенствующая религиозная секта, имевшая право проводить богослужения в Храме.

Йоан был чуть выше меня ростом, худ и такой же светлокожий. Мы были с ним почти ровесники и, поэтому, быстро нашли общий язык.

– Ты долго можешь идти, не уставая? – спросил меня Йоан.

– Да! – ответил я гордо, – Мы с папой всю дорогу шли пешком, и я ничуть не устал!

– Вот, здорово, а меня отец целыми днями заставляет читать Пятикнижие¹¹...

– Так ты что, читать умеешь? – задохнулся я от восторга, – А может еще и писать?

– Да! Конечно! – заважничал теперь он, – Я давно уже все буквы знаю!

– Да... А меня вот отец только плотничать учил. – Разочарованно сказал я.

– Ух ты! – обрадовался теперь Йоан, – А мне покажешь, как это делать?

– Ну, давай, – согласился я, – Надо только каких-нибудь палок найти.

– Пошли на улицу, – быстро предложил мне братишка, – Там этого добра много валяется.

Мы заигрались с Йоаном и сами не заметили, как оказались на окраине Вифлеема, у широкой дороги, ведущей к Иершалиму.

¹¹ Или – Тора главный религиозный закон иудеев, распространявшийся и на повседневную жизнь.

Я замер на месте, заворожено глядя на несколько крестообразных конструкций с висящими на них совершенно голыми мужчинами. Некоторые уже не подавали признаков жизни, обмякнув на растянутых в стороны руках, привязанных к деревянным перекладинам. Их головы с почерневшими лицами, наполовину скрытыми длинными свалывшимися волосами, безвольно свешивались на грудь.

– Эй, парень! Ты что, еще не видел ромейских казней? – окликнул меня, выводя из ступора, пожилой страж в кожаной куртке, перетянутой ремнями, – Видать, ты издалека пришел!

– За что же их... так... – спросил я.

– Ха! Там же все написано! – сказал, подходя сторож, указывая глазами на таблички, прибитые над головой каждого несчастного.

– Вор! И, у-бий-ца... – прочитал по слогам Йоан, – Эмил... Пошли скорей отсюда!.. – брат потянул меня прочь с дороги, – Наши наверное уже заждались, отец не любит, если кто-то опаздывает к праздничному столу!

Сторож небрежно хлестнул кнутом по ногам одного из привязанных. Бедняга испустил тихий стон, по телу прошла слабая дрожь, а с его паха неторопливо сорвалась целая стая жирных, кровавых мух.

– Этот еще живой... – скосив взгляд в сторону вьющихся мух, недовольно пробурчал страж, – Думаешь интересно мне здесь, на Пятидесятницу, с этих негодяев мух сгонять?!

– А почему их так казнили в канун праздника? – недоуменно спросил я, разглядывая умирающего на кресте человека.

– Ромеи... – пробурчал себе в бороду сторож.

– Хватит уже, Эммануил! – не выдержал Йоан, бросая мою руку, – Если ты хочешь тоже мух кормить, то оставайся здесь, а я хочу, что бы *дома* накормили меня!

Мы побежали обратно домой, за праздничный стол и всю дорогу не проронили ни слова.

Вскоре, после Пятидесятницы, вознеся благодарственные молитвы, отец стал собирать меня в дорогу – нам оставался последний отрезок пути в Кумран.

– Готов ли ты, сынок, к каждодневному труду, во славу Его? – присев передо мной, спросил отец, пристально заглядывая в глаза.

Я плохо понимал о чем он, и только молча кивнул головой.

Захария любезно послал одного из слуг с осликом сопроводить нас в Кумран, а Йоан, желая отдохнуть от бесконечного заучивания псалмов и стихов, отпросился у отца, и тоже пошел с нами.

Пока мы шли, двоюродный брат в пол голоса пересказывал мне страшилки, ходившие в народе, о таком закрытом и неприступном обществе Ишеев.

– Ты знаешь, – заговорщицки шептал мне Йоан, – Гово-

рят, что они молятся солнцу, а еще, что у них есть подземный храм, скрытый ото всех... Отец, когда у меня не получается точно запомнить что-нибудь из Пророков, говорит, что отправит меня к ним...

И в итоге, когда мы пришли к воротам неприступного забора кумранской Общины, мне было очень страшно. Высокий и глухой забор создавал впечатление какого-то невероятного, иного мира, где все не так, казалось что там, за этой стеной, даже время меняет свой ход. Страшно... Только приглушенная речь выдавала присутствие там живых людей.

– А-а... Это Йозэф! – сказал кто-то в приоткрывшуюся створку ворот, – Чего тебе нужно? Здес тебя нэ ждут!

– Здравия тебе, Барух¹², я привел сюда дитя Мириям для послушания в веру Его... – ответил отец без колебаний.

Ворота приоткрылись, и он шагнул внутрь, махнув мне рукой, призывая следовать за ним. В воротах я увидел высокого, худого человека в сером плаще, с толстым посохом за спиной.

– А ты, добрый человек с отроком, тоже к нам? – обратился худой привратник к нашим сопровождающим.

Что ему ответили, и произошел ли у них разговор я не слышал, так-как отец, крепко взяв меня за руку, решительно пошагал по открывшейся перед нами дороге. Солнце нещадно палило, а раскаленный песок обжигал ступни даже через

¹² Благословенный (ивр.)

подошву сандалий. Главной моей мыслью сейчас было попасть в прохладную тень и напиться воды. Несмотря на жажду и усталость, я с интересом рассматривал внутренний мир этой загадочной кумранской Общины. Мы шли через сад, в котором трудились люди. Одни рыхлили землю вокруг деревьев, другие привозили на ослах воду в огромных чанах и аккуратно выливали ее в канавки, расходившиеся от дороги к каждому дереву. Скоро, сад закончился, и мы пошли через огород. Под заботливо растянутой на низких столбиках материей, зеленели грядки с овощами. Солнце было уже высоко, и на грядках никто не работал. Мы приблизились к длинным домам, откуда нам навстречу неспешно вышли несколько седобородых людей в одинаковых белых накидках.

– Я привел к вам обещанного сына Мириям, из-за которого мне пришлось покинуть Общину! – громко и ясно сказал им отец, прикрывая рукой глаза от солнца, – И у меня есть, что рассказать о нем.

К нам подошел один из людей, и, приняв мои пожитки у отца, протянул мне руку.

– Иди, мой мальчик, – подбодрил меня папа, слегка подталкивая в спину, – Ничего не бойся, здесь тебе все рады...

Я обернулся к нему. Глаза его были полны радости, но борода предательски дрожала.

– Эмил!.. – отец опустил на колени и порывисто обнял меня, – Иди, сынок...

Подошедший человек взял меня за руку и увлек к длин-

ному дому, в тени которого сидели несколько пожилых женщин.

– Вот, сестры, – обратился он к ним, – Нам ниспослан еще один из ангелов Его, отведите его к другим и смотрите, что бы он ни в чем не был унижен!

Одна из старух взяла мою сумку и поманила за собой.

– Пошли, воробушек, пошли, маленький... – шепеляво проговорила она, пропуская меня в спасительную тень.

После яркого и жаркого солнца, внутри казалось темно и прохладно. В полутьме мы прошли, мимо высоких пустых кроватей, поставленных друг на друга, рядом с которыми стояли плетеные корзины с вещами и глиняные бочки с водой.

– Ты хочешь пить? – спросила меня пожилая женщина.

После долгого перехода под палящим солнцем я, конечно же, хотел пить.

– Вот, здесь будет твоя постелька... – она завела меня за ширму, отгораживавшую небольшое пространство с кроватями поменьше. Посадив на одну из нижних, зачерпнула ковшом воды из глиняной бочки и подала мне.

– Другие воробушки скоро прилетят, голубчики, – продолжила она, когда я отдал ей пустой ковш, – А ты, пока устраивайся здесь... Не голоден ли, ты?

На мой утвердительный кивок она достала из своей поясной котомки большой кусок хлеба и подала мне.

– Подкрепись, родненький, а то до вечерней трапезы еще

далеко...

Я остался жить здесь – в кумранской Общине ишеев.

Истинные, как они сами называли себя. Они почитали единого Истинного бога и категорически отвергали любое насилие. Оружия в общине не держали, кроме окованных медью дорожных посохов, выдававшихся привратникам и посланцам в другие земли.

Кроме меня было еще семеро ребят – четыре девочки и трое мальчишек, к которым, помня прошлые события, я отнесся насторожено. До поры, мы должны были жить вместе, взрослая жизнь начиналась только после четырнадцатой весны. Все были очень дружелюбны и спокойны, кроме одного мальчишки – сироты из Десятиграда¹³.

– О, новенький! А нам опять из-за него меньше еды достанется!.. – бросил он, неприязненно разглядывая меня.

– Хватит, тебе Цур¹⁴, – миролюбиво похлопала его по плечу рослая темнокожая девочка, – Мы все равны! Разве не так? И с радостью поделимся с новеньким всем, что сами имеем! Ведь, правда?

– Тебя как зовут? – присел рядом со мной другой мальчик.

– Тебе помочь с вещами? – приблизились другие ребята, – Рассказать, где у нас что?

В Общине было много людей, в основном сироты, или

¹³ Область к востоку от современного Мертвого моря, ранее заселенная греческими колонистами.

¹⁴ Близкий перевод греческого имени Петр.

многие сами назвались так, порвав с миром за забором и не желая покидать Общину, которая всем тут заменяла семью.

Правила здесь были просты и не замысловаты. Люби Бога и всё им созданное – людей, животных, растения. Люби, трудись и ухаживай за ближними своими, как за самим собой, потому что все люди – любимые творения Создателя. И все мы равны в глазах Его, как дети для старика-отца. И поэтому, все кто есть в Общине – братья и сестры.

Это рассказывали нам каждый день старейшины Общины. После утренней молитвы и трапезы, нас отводили на задний двор, где в тени стен, убеленные сединами старцы, рассказывали нам историю народа Израиля и Иудеи. Учили всем законам и заповедям. Я много узнал про великих учителей и пророков, а также про царей, вершивших историю нашей земли.

Нам рисовали углем на одной из белых стен буквы нашего языка, объясняя каждую в отдельности. И после объяснений, кто-нибудь из нас должен был называть, а позже писать, слова, начинавшиеся на пройденную букву. Мне очень нравилось учиться и говорить с учителями, и скоро я знал все буквы нашего языка и мог свободно писать из них целые фразы.

– Молодец, Эмил!.. – не раз достаивался я похвалы учителей, после чего постоянно ощущал на себе завистливые взгляды Цура.

Всех отроков в Общине старались приобщать к труду. После занятий, ближе к полудню, нам отводили, какую-нибудь

не сложную, но ужасно нудную работу, например, чистить и снова белить исписанную углем стену или перебирать овощи с фруктами, или перемывать, оставшиеся после трапезы, чашки и плошки.

– Ух, когда же закончится эта занудная болтовня этих стариканов!.. – возмущался Цур, каждый раз, когда ему выпадало чистить и белить стену дома.

Спать ложились вместе с солнцем, как, впрочем, и пробуждались.

– Динь-дон! Братья, солнышко встает, Господь открывает очи свои, а значит, пора вставать и детям Его! – так начинался каждый день в Общине.

Дежурный проходил через всё помещение мужской половины, будя нас громкими возгласами. Скоро все помещение наполнялось шелестом тканей и речью проснувшихся братьев. Из-за тонкой стены, разделявшей Общий дом на мужскую и женскую половины, слышались такие же звуки. Если же кто-нибудь так крепко спал, что не слышал криков, тогда дежурный приносил от входа большую медную тарелку, специально повешенную для этого, и стучал в нее железным билом. Если и после этого люди не вставали с постелей, то к ним звали лекаря-травника.

– Скорей сюда! – призывали проснувшихся людей водовозы, стоя над огромными чанами на колесах, – Утренняя водица, как слезы Господа, смоем все, и лень и печаль от дурного сна! А ну-ка, братья и сестры, подходи на омовение!

Подходившие мужчины и подростки склоняли головы, и водовоз выливал каждому на затылок большой ковш, недавно набранной в колодце воды. Ледяная влага обжигала расслабленное со сна тело. С криками и смехом мы умывались в первых лучах солнца и принимались сушить и расчесывать волосы. Женщины же набирали воду в большие плошки и уходили умываться за дом, мужчин туда не пускали. Затем, покрыв влажные головы короткими покрывалами, все собирались в общем доме для совместной молитвы, где сам верховный старейшина нашей общины – Аарон¹⁵, начинал утреннее песнопение. Утренние молитвы Господу заряжали нас радостью наступающего дня и придавали сил. Затем наступало время трапезы.

Первая трапеза обычно состояла из нескольких лепешек и чашки молока, ты мог съесть все сразу или взять с собой на день. В полдень давали есть только детям, а взрослые должны были терпеть до вечера, лишь, когда солнце клонилось к западу, всех снова призывали к общему дому для вечернего омовения, обязательной молитвы и принятия пищи. На ужин всегда была мясная или куриная похлебка (за исключением постных дней) и пресный хлеб с сыром.

Община была самодостаточной. Земли было в избытке и хлебом, сыром, фруктами, мясом, маслом мы обеспечивали себя сами и даже много оставалось, что бы менять на то, чего

¹⁵ Имя больше нарицательно, обозначавшее принадлежность к высшему роду, приближенного к Богу.

сами произвести не могли – железо, строительные материалы, кожаные изделия и папирус с красками. Поэтому работы у братьев Общины всегда было много!

Признание

Когда мне исполнилось четырнадцать весен и над моей верхней губой стал появляться темный пушок, я перешел на взрослую половину к мужчинам. Там уже, как год, жил Цур. Мы и до этого не были с ним друзьями, а сейчас он и во все отказывался меня замечать. Любая агрессия была строго запрещена внутри Общины, и зачинщиков ждало суровое наказание. Поэтому я тоже старался поменьше обращать на него внимания.

И вот однажды, меня с Цуром, как самых молодых и не годных для тяжелой мужской работы, послали вычищать птичник. Птичник состоял из трех зданий – курятника, индюшатника и гусятника. Пока я начал убираться во дворе, Цур зашел в курятник и закрыл за собой дверь.

– Цур! – позвал я его через некоторое время, – Выходи, помоги мне!

Растрепанный Цур выскочил из курятника и стремглав бросился бежать к Общему дому.

– Люди! Братья! Помогите! – закричал он, – Эмил убил всех цыплят!!!

Я вошел в курятник и не поверил своим глазам. Несколько десятков желтых телят были разбросаны по всему курятнику, а растревоженные курицы громко кудахтая, жались по углам, пытаясь созвать своих птенцов.

– Как же это могло случиться?.. – вырвалось у меня.

Я опустился на колени пред ближайшим цыпленком и взял его в руки. Шейка у птенца была совсем мягкой, как будто без костей, но тельце было еще теплым. Я положил его на одну ладонь, накрыл другой и представил себе, какой он был живой, веселый и доверчивый, как он попискивал, когда бегал за мамой-курицей.

И тут, я ощутил шевеление у себя в руках, в то же мгновение, маленькое тельце, заключенное в моих ладонях, затрепыхалось, пытаясь вырваться наружу. Я немедленно раскрыл ладони и, прежде чем успел опомниться, цыпленок спрыгнул на землю, и с писком побежал к одной из куриц.

«Наверное, птенцы еще живы, и просто потеряли сознание!» – подумалось мне, я был уверен, что никто не посмел бы лишать жизни беззащитных цыплят.

И я стал брать в руки одного за другим птенцов, лежавших на полу без движений, и все они «просыпаясь» выпрыгивали из моих рук.

И когда в открытой двери курятника показались взрослые братья с маячившим за их спинами Цуром, я сидел на полу уставший и счастливый, в окружении весело попискивающих цыплят и десятка куриц, собиравших свои выводки громким кудахтаньем.

Старик в белых льняных одеждах, опираясь на длинный посох, поманил меня к себе.

– Подойди ко мне, Эммануил, сын Мириям! – сказал он на удивление ровным и сильным голосом, – Братья рассказали мне, что случилось сегодня утром, хочу теперь услышать твой рассказ, юный брат!

Я увидел, что передо мной сам Аарон нашей Общины. И молчал, не решаясь ответить одному из высших Истинных.

– Ну что же ты молчишь?

– Я... Был... Во дворе, когда Цур выскочил из курят... – начал я, запинаясь, свою историю.

– Как ты думаешь, почему он сделал так? – прервал меня старец на полуслове.

Я пожал плечами, не зная, что ответить.

– Я укажу братьям прогнать этого подлеца из Общины! – промолвил он, внимательно глядя мне в глаза.

Я был поражен, прозорливостью Аарона – откуда он все узнал, если я еще ничего не успел рассказать и свидетелей, оживления птенцов не было?!

– А может, он не так плох, ребе? – спросил я, – Не выгоняй его, ведь Цур не сможет прожить без Общины! Просто он немного завистлив, его надо излечить от этого порока, пока он не захватил его душу целиком...

Старик, улыбнулся и облегченно вздохнул, повернулся ко мне спиной, и медленно, опираясь на свой посох, пошаркал к невысокой каменной скамье, где кряхтя, опустился на нее.

– Я рад, что ты именно такой! – сказал он, устраиваясь на каменном ложе.

– Ты добр и не порочен, как и *должно* быть Истинному... – продолжил он после некоторой паузы, – Мне лишь однажды удалось избавиться от смерти ягненка, и то, после долгой молитвы Яхве! А ты, смог... Сколько было передушенных цыплят?

– Почти все... Ребе...

«На тебе Его печать!» – вдруг услышал я его голос, хотя видел, что старик молчал.

– Что? – ошеломленно, спросил я.

«То, что ты слышал...» – снова услышал я в своей голове усталый голос верховного старейшины.

– Как я могу слышать тебя, ребе?!

«Просто ТЫ и Я можем так говорить и слышать... Сядь рядом!» – Аарон указал на свободное место рядом с собой. Я беспрекословно повиновался.

«Не каждый может это, но таких людей не мало, ты еще встретишься с ними... Я достиг этого только на закате своей жизни, а тебе, как я вижу, дано с рождения...»

– Да, ребе!.. – вскричал я, порываясь встать перед ним на колени.

«Не смей!» – удержал он меня за локоть, – «Наш народ ни перед кем не преклоняет колен, ни один из живущих здесь не достоин этого! А мы с тобой равные. Отвечай мне также...»

«Ребе?» – попытался я произнести мысленно, не сводя с

него глаз.

«Да!»

«Как возможно такое?» – обратился я к нему.

«На тебе печать Яхве!» – повторил Аарон.

– Но как?.. Почему?..

«Не надо слов...» – оборвал меня наставник, – «Тяжкий груз прожитых лет давит на меня, с каждым годом все сильнее и, иной раз, мне тяжело даже просто говорить! Общине нужен Аарон! А я очень стар... Да!.. И я день и ночь молил Яхве, что бы Он послал мне достойного приемника... И наконец, мои мольбы услышаны! Я давно ждал такого ученика, как ты...»

Я был готов к чему угодно, к тому, что учитель воспарит ввысь или исчезнет и тотчас появится у меня за спиной, как часто шептались об этом мои сверстники, но это его признание оказалось самым неожиданным для меня.

«Пока ты останешься в Общем доме, будешь помогать братьям в поле и на пастбище, а я буду посылать за тобой...»

Так я стал учеником самого Аарона кумранской Общины Истинных. Я был сражен величайшей честью, выпавшей мне и следовал за Учителем везде, куда бы он не позвал, ловил каждое его слово, спал на камнях подле его ложа, когда он позволял мне остаться.

Он учил меня всему, что знал сам. Всем молитвам, которые когда-либо были рассказаны нашему народу его великими Патриархами и пророками, всей мудрости, заключав-

шейся в их словах. Учитель рассказывал и о бедах постигавших наш народ, всякий раз, когда люди отступали от духовного богатства и склонялись к материальному. При этом, его мысленная речь обретала невероятную форму, складываясь в живые образы.

«Наш народ населяет не только сию благословенную землю, завещанную нам Богом Авраама и Моше, многие иные города имеют наши диаспоры! Мы называем их Рассеянный Израэл, это повелось еще с вавилонского пленения...»

Я выучил весь Танах и все писания к нему Учитель знал их в совершенстве и мне передавал изустно, точнее мысленно. Учитель так умело рассказывал, что картины «Бытия» и «Исхода» вставали предо мной, как наяву. Я много узнал от него о Яхве и будущей его ипостаси – Иегове. Много времени посвятил он истории появления всех колен иудейских, начиная с возвращения из вавилонского плена. А еще поведал о собраниях книжников¹⁶ и левитов¹⁷ – никого из них не превознося и не очерняя. Также он рассказал мне о других общинах, исповедующих наш Закон. Самой яркой и значительной из них была община Врачевателей (по-гречески – Терапевтов), она находилась в Александрии, ее Аарон принадлежал к нашему народу, хотя, как рассказывал Учитель, совсем не походил на иудея. Он учил врачеванию всех, даже язычников, Учитель держал с ним связь. Я боялся поин-

¹⁶ Фарисеи (греч.)

¹⁷ Группа семей, составлявшая прослойку садукеев.

тересоваться, откуда он все это знает, что бы ненароком не обидеть моего ребе.

«Когда Великий Элизер¹⁸ принял в свое войско моего деда в Сардисе, это место, Кумран, уже процветало и было заселено истинными почитателями единого Бога... Когда Селевк¹⁹ со своими сыновьями пытался сломить нашу веру – сюда приходили даже левиты за откровениями истины... Когда я – младший сын своего отца, был брошен кровными братьями умирать на дороге, то истинные братья приняли меня под кров сей, где я, волей Его, смог овладеть многой мудростью!»

Он научил меня говорить по-арамейски и по-гречески, а потом... Учитель начал рассказ о нынешнем испытании народа Господа – о пришедших в эту землю под личинами друзей, захватчиках, осквернивших Храм и Священный город своими языческими хоругвями... О ромеях и их подлых приспешниках – иродианах и мытарях! А после, научил латинскому языку, рассказал многое об истории этого языческого народа. Я узнал легенду начала Вечного города, как называли его сами латиняни, о жестокости и братоубийстве, породивших этот языческий народ. Об их богах учитель коснулся лишь вскользь, заметив, что они схожи с греческими и ни одно из их учений не было перенесено на пергамент или

¹⁸ Александр Македонский.

¹⁹ Династия Селевкидов, правила Египтом и прилегающими областями после Александра Македонского.

записано как либо еще.

«Поэтому мы и называем эти народы – Язычниками, ибо поклоняются они своим выдумкам и языку, которым разносят эти выдумки по свету!»

Я шел по темному коридору, за свечой учителя и слушал его в своей голове.

«Мы идем в кладезь мудрости твоего народа... Когда-то, очень давно, мой наставник – прошлый Аарон нашей Общины, привел меня сюда!»

Я вошел вслед за учителем в просторную комнату и он, поместив свечу в причудливый стеклянный фонарь, обвел им стены. Фонарь многократно усилил свет свечи, и я увидел ступени, устроенные в песчаных стенах, которые спускались вниз из под самого потолка и доходили до середины комнаты. Прямо передо мной, на нижних ступенях, аккуратными рядами стояли широкие глиняные сосуды, подобные тем, в которых торговцы на базарах хранят масло и вино.

«Ты думаешь, в них налито масло?» – уловил мои мысли учитель.

Ребе, подошел к одному из глиняных сосудов и, с усилием, поднял плотно пригнанную деревянную крышку. Когда я заглянул внутрь, то увидел свернутые в трубочки листы папируса, поставленные торцом и пересыпанные чистым сухим песком.

А выше, на ступенях уходивших под самый потолок, я увидел штабели глиняных табличек, проложенных тканью.

«Это мудрость всех колен нашего народа, начиная с великого Ноя!» – Он указал на верхние ряды ступеней, – «Здесь собраны все первые книги, написанные собственноручно Патриархами и праотцами народа Господа... Это самая большая ценность, которую хранит наша Община!»

Учитель продолжил открывать амфоры, демонстрируя мне их содержимое.

«Здесь тайное место... Сюда могут заходить только избранные. Некоторые, как я слышал, думают, что у нас тут подземный храм, полный идолов».

«Это смешно, ребе!» – ответил я.

«Да... Теперь ты видел, каких идолов храним мы здесь...

И теперь, ты тоже избранный!»

Еще несколько месяцев я спускался в подземное хранилище Истины – Храм знаний, как величал его мой ребе. Там, при свете чудесного фонаря, забыв обо всем, я проводил дни и ночи, в изучении исписанных свитков. Выносить их на поверхность учитель строго запретил. Я читал и не мог оторваться и лишь рука учителя, гасившая свечу, и его голос, врезавшийся в мои мысли, заставляли меня прерываться на еду и сон.

Скоро я дошел и до глиняных табличек – скрижалей, испещренных мелкими символами, зачастую совершенно непонятных.

«Это язык наших праотцов... Можно сказать перволюдей!» – слушал я объяснения ребе, – «Многие символы уже

потеряли смысл, значение их не смог разгадать даже мой учитель, но нет тайн для посланцев Божьих! На тебе Его печать и Ты должен понять, о чем хотели поведать потомкам Патриархи нашего народа! Вот видишь, тут в углу одной из табличек, стоит печать – это оттиск кольца первого патриарха».

Еще несколько лун я посвятил изучению глиняных скрижалей. Я общался со скрижалями, как с живыми людьми и они, словно в благодарность, открывали мне свои тайны. Откуда-то пришло понимание замысловатых закорючек, выдавленных в глине. Они поведали мне о том, как начался род человеческий и как ангелы, прельстившиеся на человеческую плоть, научили людей всему, что сами знали и умели, а затем предались утехам плоти, безудержно потребляя человеческие ресурсы и самих людей. Как от этого Бог пренебрег своими детьми и хотел их уничтожить, но сохранил малую часть – тех кто не присягнул «падшим», тех, оставшихся верными Закону, от которых и произошел сегодняшний род человеческий. И многобожие, почитаемое языческими народами – не что иное, как сохранившаяся память о безумном преклонении детей Божьих перед «падшими», предателями единого Бога!

Когда все труды Патриархов были мной исследованы, я смог поведать обо всем учителю. Своими рассказами о прочитанном, я привел его в восторг.

«То, что ты узнал рассказывается великим Шломоном²⁰, как легенды нашего народа, но теперь я знаю, что все это правда! Я велю нашим странствующим братьям донести эту новую истину до народа Израэля, все должны узнать, что это правда!»

И помолчав – добавил: «Я надеюсь, что ты, как новый Избранный, сохранишь в тайне это место?»

«Не сомневайся, ребе!» – поклонился я ему.

Однажды, после утренней молитвы и трапезы меня позвали к воротам, где под дремлющем оком Баруха ждал высокий, хорошо одетый, юноша, с темнеющим пушком на лице. Я в нерешительности остановился – кто это?

– Эмил! – воскликнул молодой человек, – Ты не узнал меня?

Мой недоуменный взгляд был ему красноречивым ответом.

– Я же Йоан! Брат твой!

Старый Барух недовольно покосился на нас.

– Добрый человек! – положил он руку на плечо Йоана, – Ты сказал, что хочешь учиться истинной мудрости и сказал, что за тебя есть каму порючиться, но я вижу, что ты салгал минэ!

Я смотрел на пришельца, назвавшегося моим братом. И вспоминая наше единственное знакомство, с удивлением и

²⁰ Соломон.

радостью узнавал в нем знакомые черты.

– Подожди, брат Барух! – остановил я намерение одного из наших старейшин выставить Йоана за ворота, – Я не узнал своего двоюродного брата! За что должен просить у него прощения, ведь виделись мы с ним еще детьми!..

Я сделал шаг к Йоану и порывисто обнял его.

– Привет тебе, мой брат!

– Ну, наконец-то, Эмил! – заключил он меня в ответные объятия.

– Ладно, я вижу вы искрэнны! – сказал старый привратник, отступив от нас на шаг и расплываясь в улыбке, – Проводи своего брата к старейшим братьям, Эмил, и пусть ему дадут место в Общем доме...

Пока мы шли к старейшинам, я успел рассказать Йоану о порядках, установленных в Общине, и как следует себя вести с братьями и старейшинами.

Йоана, как нового послушника, поселили возле двери, в Общем доме, и нам было просто выходить во двор, что бы поговорить, не мешая остальным братьям отходить ко сну.

– Я вижу, ты здесь уважаемая личность! – начал Йоан, когда мы устроились с ним на крыльце, под слабеющими лучами заходящего солнца.

– Об этом потом, расскажи лучше, как там наши? – попросил я его.

– Ну-у-у, – протянул Йоан, разгладив складки ткани на своих коленях, и хитро посмотрев мне в глаза, – У тебя те-

перь есть еще одна сестра и четверо братьев!

– Здорово! – чуть не задохнулся я от радости, – Когда отец собирал меня сюда, моей сестренке шел только первый год, а теперь...

– Да, – мечтательно сказал Йоан, – Они приезжали к нам на прошлый Пейсах²¹! Ита уже взрослая Мириям ищет ей жениха, Рахиле только двенадцать лет, еще у тебя есть братья Йеуд, Шимон, Иаков и совсем маленький – Ишур...

– Хорошо! – прервал я его, – А как поживают твои родители, как Елизавета, здоров ли Захария?

После этих вопросов Йоан сник.

– Отец покинул нас в прошлом году... – сказал он, отводя глаза.

– Как!? – вскричал я.

– Господь призвал своего служителя, чтобы он воссоединился со всеми коленами своего народа... Почти сразу после Пейсаха, – сказал мой брат, и голос его предательски дрогнул, – Мама здорова и передает тебе пожелания также здравствовать.

– Тогда скажи мне, брат, – спросил я его после недолгой паузы, – Почему ты пришел сюда, а не занял полагающееся тебе место среди левитов?

Йоан погрустнел еще сильнее и замолчал, угрюмо уставившись в одну точку перед собой.

– Ты знаешь, – сказал он задумчиво после затянувшегося

²¹ Еврейская пасха.

молчания, – Я был посвящен в коэны, в Храме, еще при отце... Но в течении тридцати дней я не мог заходить в Дом Господа, я же держал траур, а она...

Брат замолчал, угрюмо глядя перед собой.

– Кто, она, ты о ком, Йоан? – тронул я его за плечо, уже догадываясь, о ком он.

– Мама... Она не стала соблюдать эвель²². Тридцати дней еще не прошло, а я увидел ее с одним молодым левитом, он частенько заходил к нам в гости, когда отец еще был жив...

Я не нашелся, что ему сказать на это. Слова утешения, после принесенных Йоаном радостных вестей о моей семье, никак не приходили в голову. Между тем, брат продолжил.

– Я не могу больше служить в Храме, мне не дает покоя нечистая мысль об измене матери! В моем доме поселился чужой человек, мне стало противно находиться там! И поэтому, я решил прийти сюда...

– И тебе здесь все рады! – уверил я его.

.....

«Я слышал, к тебе пришел брат? Ты обрел брата среди братьев, я рад за тебя!» – сказал учитель, на следующий день.

«Да, ребе, он из Вифлеема, из рода цадукея Захарии...»

«Я знаю, какого он рода!» – прервал мои объяснения учитель, улыбнувшись одними глазами, – «Он останется в Об-

²² Обрядовый траур, длящийся 30 дней (евр.)

щине и станет одним из лучших. Я хочу, что бы он помог переписать все, что тебе удалось прочесть на скрижалях».

«Я передам ему твою волю, ребе!» – заверил я учителя.

«Это не моя воля, Эмил, просто я знаю, что так надо... А еще я знаю, что он возглавит Общину, но не нашу...»

– Ты пророчествуешь!? – воскликнул я вслух.

«К концу жизни все становятся ближе к Богу, а я всю жизнь оставался праведником, что значит всегда приближался к Нему», – учитель сделал паузу и продолжил, – «Путь праведности всегда милее Господу, чем любые другие. И всех, кто идет им Он вознаграждает своими дарами... Запомни это, мой добрый мальчик!»

«Не сомневайся, учитель!» – воскликнул я мысленно.

«Завтра ты не пойдешь на работу со всеми, а приведешь ко мне Йоана. Вы спуститесь в наш кладезь мудрости и займетесь переписью скрижалей. То что запечатлено там, должно быть доступно потомкам!»

Йоан был потрясен оказанной ему честью, а еще больше он был поражен амфорами полными древних манускриптов. Когда же, устроившись на ступенях между амфор, что бы писать под мою диктовку, увидел откуда я собрался ему диктовать, он чуть не выронил из рук кисть и не пролил краску.

– Эмил! – воскликнул он, – Неужели ты понимаешь язык древних?

«Я и сам был удивлен этому!» – ответил я мысленно по

привычке, как учителю.

– Это невозможно, где ты мог научит... – воскликнул он, – Стой! Ты же сейчас не произнес ни слова, но я четко слышал, что ты сказал мне!

«Успокойся, брат! Попробуй и ты отвечать мне также, хранящаяся здесь мудрость не приемлет шума человеческой речи...»

«Эмил?»

«Да, Йоан, мы можем так разговаривать, как и с учителем!»

Справившись с первым шоком, Йоан, в свете двух фонарей, усиливающих свет огня внутри них, приготовился писать.

«И стал я свидетелем страшных беззаконий, творившихся на земле», – начал я читать первую скрижаль с замысловатым отпечатком в углу глиняной таблички, – «И обратился ко мне во тьме ночи ангел Господень, Ной, сказал он мне...»

– Невероятно! – перебил меня восторженный голос Йоана, – Теперь я понимаю, почему наш Аарон сделал тебя своим учеником, ты Машиах²³!

– Тш-ш-ш... – Приставил я указательный палец к губам.

«Давай сделаем то, для чего мы сюда пришли».

«Да, Машиах, как скажешь!» – поклонился мне сидя Йоан.

«Ты ошибаешься, брат», – урезонил я его, – «Давай все-

²³ Мессия (ивр.)

таки продолжим!»

Учитель с нескрываемой радостью принял весть о том, что и Йоан может общаться с нами на равных, но еще большую радость у него вызвал факт, что все скрижали, наконец, были переведены на наш язык.

«Дети мои!» – обратился он к нам, – «Вам еще придется помочь мне, старику. Принесите сюда мешок песка и широкую амфору».

Когда все было сделано, учитель отпустил Йоана наверх и обратился ко мне.

«Эмманул! Тебя ждет еще одно испытание...»

«Да, ребе!»

«Тебе предстоит пройти самое трудное – испытание крепости твоей души, ты испытываешь страх и ненависть, любовь и нежность, одновременно. Тебе многое откроется внутри себя и, может быть снаружи!»

Учитель пристально посмотрел на меня, силясь понять по моему лицу готов ли я к такому.

«Я готов, ребе!» – ответил я не отводя взгляда.

«Завтра мы придем сюда, сразу после утренней молитвы. Ты будешь поститься и читать Тору в оригинале, оставленном нам самими Патриархами. Четыре дня! Ты будешь готовиться к своему главному испытанию!»

«Эта пещера не простая!» – рассказывал я Йоану, услы-

шанное от учителя, – «Почти всем, кто остается там дольше, чем на одну ночь, Господь посылает откровения самого разного толка».

Теперь нам было проще общаться, так-как никто больше не мог нас слышать. Всем любопытным братьям казалось, что мы как обычно, сидим на крыльце Общего дома после вечерней молитвы и трапезы, и любимся заходящим солнцем.

«И на сколько ты будешь заключен там?» – поинтересовался брат.

«Учитель сказал, что мне выпала честь остаться там столько же, сколько находился и он, целых сорок девять дней!» – с гордостью ответил я.

Йоан погрустнел, глядя на заходящее солнце.

«Семь седмиц... Какой долгий срок... Я не смогу видеть и слышать тебя, мой брат».

«Но ведь ты будешь общаться с нашим Аароном, он будет тебя учить!» – попытался успокоить я его.

«Ты знаешь, после того, как мы закончили перепись скрижалей, мне все время кажется, что должно произойти, что-то очень страшное...»

«Не надо думать о плохом, Йоан! Учитель рассказывал, что почти все, кто проходил через это испытание, получали откровения Господа и становились старейшинами. А кто не получал ничего – возвращался обратно, сюда, ко всем братьям, и потом был волен покинуть Общину или стать стран-

СТВУЮЩИМ КНИЖНИКОМ...»

Встреча с собой

Свет утреннего солнца, пробивавшийся из узкого прохода, по мере того, как братья Общины закладывали вход камнями, постепенно покидал пещеру. Скоро о том, что снаружи, день или ночь, можно было судить только по тонким лучикам света, проходившим сквозь щели между камнями, но, через некоторое время, и они пропали, старательно замазанные глиной с внешней стороны.

Непроглядная тьма заполнила всё вокруг. Вздохнув, молодой человек в длинной льняной рубахе нащупал стену, и стал спускаться вглубь пещеры. Скоро глаза привыкли к отсутствию света, и контуры ближайших предметов стали чуть различимы. Испытуемый достиг небольшого расширения в конце, где тихонько журчал родник. Потолок был настолько низок, что находиться в пещере в полный рост было невозможно. Встав на колени и ощупав руками пол и стены вокруг, Эммануил нашел дорожную суму полную хлеба, лежавшую на большом плоском камне, а на ее дне – трут и кресало с маленьким масляным светильником. Юноша высек несколько, показавшихся в кромешной тьме, ослепительно яркими искр, зажег светильник и в его свете, рассмотрел свое временное жилище. Тут ему предстояло прожить следующие сорок девять дней и ночей. Пещера была вырублена в песчанике, стены и свод были выложены камнем, а на полу – песок.

Молитва придала уверенности и помогла скоротать немного времени, которое скоро совсем перестало ощущаться, и только потрескивание фитилька в плошке с маслом, да тихое журчание родника в углу напоминали о его существовании. Чтобы не сжечь все масло и не остаться без света, юноша задул огонек, затем, отломив кусок от хлебной лепешки, подобрался на четвереньках к роднику и, размочив хлеб, отправил в рот. Скоро темнота смежила веки и...

Тьма прорезалась мириадами ярких огоньков, складывающиеся в какие-то отдаленно знакомые образы. Разум почему-то стремился к одному из самых маленьких. И вот, он находится рядом с чем-то невероятно прекрасным и до боли знакомым... Яркий зелено-голубой шар, с одной стороны черный, а с другой залитый светом, подчеркивавшим выразительный рельеф его поверхности. Он был живой, дышал как существо и пульсировал жизнью, как город, как единый народ, собравшийся на открытом месте... Это был живой мир! Огромная сила исходила от этого мира, неведомая, могучая и манящая. Вдруг, позади и вокруг стали проступать некие сферические тени, подобные самому голубому шару, но совершенно темные, не отражавшие света. Их было не видно – они скорее угадывались по пульсации силы, исходившей от каждого из них. Они так же были живыми, и они говорили – многие голоса слышались с разных сторон и слились воедино в голове молодого человека.

«Мы здесь! Мы защищаем... тебя...»

«От заражения!»

«И это часть... Часть... Малая часть!»

«Тебя!..»

Не зная, как реагировать на эти голоса, первой реакцией стал страх.

«Не бойся! Тебе нельзя нас бояться... Мы часть тебя... Мы твоя стража!»

– Где я? Кто вы? – задал я вопрос.

«Ты здесь... Внутри!..»

«Мы зовемся Хранители...»

«Мы помогаем... Тебе!»

«И уничтожим любого, кто причинит боль... Тебе!»

«Любого иного...»

– А я кто, для Вас?.. – встревожился я.

«Ты... Элохим²⁴...»

«Мы часть... Часть тебя...»

«Мы храним... Тебя!»

– Где Вы?

«Здесь... Вокруг тебя... Внутри... Тебя!»

Страх прошел! Меня наполнило чувство радости и защищенности, хотелось летать, кувыркаться в воздухе, слушать Хранителей и говорить с ними снова и снова.

И тут все резко оборвалось...

Я открыл глаза во тьме. Или мне показалось, что открыл

²⁴ Личное обращение к богу, в значении «вы» (евр.)

глаза.

– Эй, вы где? Хранители! – позвал юноша, пытаясь продолжить разговор с невидимыми созданиями, страстно желая еще раз прикоснуться к этому чудесному миру.

Громкий звук отразился от каменных стен и потолка, вернувшись затухающим эхом.

Испытуемый снова был один в маленькой пещере. Тихое журчание родника подтверждало его догадку. Сколько длился этот чудесный сон, что сейчас, день или ночь? В какой стороне восходит солнце? Куда поворачиваться во время молитвы?.. Мысли спутались окончательно. Как он молился, когда только попал сюда, было уже не вспомнить.

Свет! Где-то здесь был светильник... Плоский камень возле родника. Ориентируясь по журчанию воды, человек пополз на звук. Кажется, здесь был плоский камень... Нет – не здесь... Обшарив весь пол, он так и не нащупал ни своей котомки ни площадки светильника с кресалом. Значит, теперь наступят тьма и голод?.. Сорок девять дней без еды и света! Наверное, когда братья распечатают вход, то найдут здесь только его иссохший труп... Нет. Нет...

– Помогите кто-нибудь! – позвал он во тьме.

Паника! Предательские мысли о неминуемом конце, несли с собой страх, который медленно вползал в сердце, лишая сил сопротивляться...

– Не-е-е-ет!!!

На несколько мгновений наступила абсолютная тишина,

он оглох от собственного крика, только удары сердца отдавались в ушах, словно грохот молота по наковальне... Где-то есть выход отсюда! Надо ползти вверх по проходу и стучать в стену... Меня услышат и освободят! Учитель говорил об этом!..

Отчаянье готово было захлестнуть меня целиком. Но стоп! Если я прерву испытание, то, значит... останусь... как отец – простым плотником, посыльным...

Так вот, что это за испытание! Мне надо победить свое отчаянье, не поддаться ужасу, панике! Хорошо – повернуться на спину! Закрыть глаза! Успокоиться, замереть на теплом песчаном полу пещеры!

Я снова заснул. Или мне показалось, что заснул.

Я хотел проснуться, но не мог, словно кто-то незримый держал мои веки сомкнутыми, настойчиво погружая меня в грезы все глубже и глубже. Скоро я увидел сверху большой город с дворцами знати и маленькими домиками простых людей, а в его северной части огромный каменный дом, окруженный со всех сторон стеной. Дом Господа – наш Храм...

С благоговейным ужасом я стал приближаться к нему. Вот я прохожу через оба его двора – Израиль и Иудею, и... проникаю сквозь храмовые врата!..

«Куда? Мне же еще нельзя петь со взрослыми мужчинами!», – хотел я остановиться. Но неизвестная сила влекла меня вперед и вперед. И вот, я оказался в Святая-святых До-

ма Господа... Я сжался от благоговейного ужаса, и тут я увидел невероятное зрелище!

Бледный, как беленый лен, цадок²⁵ Захария, в красочном жреческом одеянии, стоял перед раскаленной жаровней, безвольно уронив длинные руки, с зажатými в них жертвенными дарами, и смотрел на неизвестного безбородого человека в длинном хитоне²⁶, небрежно облокотившегося на резную колонну, украшенную ангельскими крыльями.

– Ты... – выдавил через силу Захария, – Как, ты, посмел осквернить наш Храм!..

– Да ладно тебе, Захария, – ответил, ничуть не смутившись, наглец, – Не раз наши воины входили сюда, и в эту комнату, разве ты не помнишь? Ну не беда!

Неизвестный повернулся к Захарии спиной и стал обходить Святая-святых, проводя рукой по стенам.

– Это только тем, кто верит в него, ваш бог посылает всякие наказания за несоблюдение ваших глупых правил, – продолжил незнакомец, – Но я-то не в его власти!.. Ты знаешь, Захария, мне очень хотелось испытать чувства Кресса²⁷, когда он вошел сюда, что бы забрать богатства, принадлежавшие Риму.

²⁵ Представитель сословия садукеев.

²⁶ Греческая верхняя одежда – рубаха до колен с короткими рукавами.

²⁷ Марк Лициний Красс – древнеримский полководец и политический деятель, был претором Римской республики (74 или 73 год до н.э.) и проконсулом Сирии (54-53 годы до н. э.)

Захария, впился в незнакомца ненавидящим взглядом, и не проронил больше ни слова.

– Но, ты знаешь, – продолжил незнакомец, плавно обведя рукой все помещение с жаровней, – Ничего особенного я тут не вижу и никаких особых чувств не испытываю. Обычное помещение для отправления провинциального культа...

Захария затрясся в бессильной ярости.

– Если бы я знал... что ты такой Квинт... я бы никогда не дал тебе крова!..

– Ну, полно тебе... – с умиротворяющей улыбкой продолжил осквернитель Храма, – Я очень благодарен тебе, Захария, и хотел предупредить, что твоя Елисавета тяжела и скоро родит, так долго ожидаемого вами, ребенка... Надеюсь, твоего наследника!.. Ха-ха! А я покидаю твой гостеприимный дом, у меня еще дела в Вифлиеме... И еще, не пытайся звать ваших храмовников или как-то навредить мне – ты сделаешь хуже только себе... Прощай!

Захария склонил седую голову в золоченом кидаре²⁸, безвольно опущенные плечи в богато расшитом меиле²⁹ беззвучно затряслись, а на священном жертвеннике, нарушая гробовую тишину, зашипели, испаряясь несколько капелек влаги.

Как же мне хотелось туда – успокоить уважаемого старика, наброситься на подлого иноплеменника, осквернившего

²⁸ Головной убор иудейского первосвященника.

²⁹ Богослужебная одежда первосвященника (евр.)

наш Храм и восстановить справедливость! Но та же сила, что привела меня в это место, властно вытолкнула обратно во тьму Пещеры.

«Это было давно...» – услышал я чужие голоса.

Боль обиды за доброго цадока, сжала сердце раскаленными клещами и наполнила глаза слезами. Я не хотел открывать их, чтобы не расплакаться. И скоро тьма, сменившая видение, стала собираться в новые образы.

Обнаженный мужчина в причудливой золоченой маске с руками, выкрашенными серебряной краской, приближался к молодой девушке, скорее, даже – девочке, забившейся в угол между большой кроватью и столом. Мужчина нес перед собой масляную лампу, огонь которой осветил испуганное лицо девочки. В ее широко распахнутых глазах отразились яркие огоньки пламени. Черные локоны, в беспорядке спадали на голые, по-детски острые, плечи. Тонкие, изящные руки крепко стиснули колени, прижатые к обнаженной груди. Ее лицо... Оно было до боли знакомым!

– Чего ты боишься? Глупенькая! – заговорил мужчина приятным и таким знакомым баритоном, – Через меня к тебе приходит Бог!

– Я верю в Яхве... – всхлипнула девочка, закрывая лицо узкими ладонями.

– Да, да! Феб³⁰! Я Феб, златокудрый, среброрукий бог любви и плодородия! Я сын Юпитера!

³⁰ Римский аналог греческого бога Аполлона.

Мужчина приблизился к девочке настолько близко, что закрыл ее своим телом... Затем, ведение затуманилось и померкло, но скоро я увидел лист пергамента, испещренный крупными незнакомыми буквами... Я пригляделся – это было ромейское письмо, а деревянная палочка продолжала выводить причудливые черточки, и тут я отчетливо стал понимать каждое слово.

«С превеликим удовольствием и почтением обращаюсь я к высочайшему Экзарху³¹... Эти люди, к которым я был послан Вашей волей, для подготовки плодородной почвы поселения Юпитера, совершенно не годятся для ассимиляции с нами... Они настоящие варвары, и поклоняются не сомну высших существ, величайшим среди которых, конечно же, может быть только Юпитер, а никому не известному совершенно безликому божку, которого они называют Игова или Яхве, у их божка даже имени постоянного нет, и изображать его они не смеют... Воистину эти люди ничтожны, как и их земля, иссушенная солнцем и лишенная живительной влаги! Они совершенно отвергают достижения нашей инженерии, такие как акведук или клоака³², а ведь это могло бы решить многие проблемы в их земле; не стоит даже говорить о философии и таких необходимых социальных дисциплинах, как

³¹ Высший жрец в древнем Риме, как правило – один из сенаторов или самый старший одного из патрицианских родов.

³² Канализационная система в древнем Риме, а позднее и во многих крупных городах Римской империи.

право и свободное волеизъявление – для этих варваров такие институты под строжайшим запретом, и поэтому, их земля так ничтожна, а в их селениях всегда страшное зловоние и удручающая нищета... Прошу донести до внимания великого Консула, что этот народ не имеет для Республики никакой ценности. Хотя, что касается их женщин, то они весьма нежны, словно лесные лани и доверчивы, как ручные голуби. Мне довелось отведать тут двух сестренок... Их девушки стали бы достойным украшением патрицианских спален, попади они на наши рынки!.. И еще, не оставьте, пожалуйста, без внимания мою последнюю просьбу. Прошу позволения на перевод из этой забытой всеми богами этнархии³³, куда-нибудь, например, в Кесарию палестинскую, ведь я, Ваш покорный слуга, хоть и не патрицианского рода, но всегда добросовестно выполнял Ваши поручения. Надеюсь на Вашу безмерную милость.

Фламин Феба³⁴ – Квинт Максимус.»

– Ты снова что-то пишешь? – две изящные ручки обвили широкие плечи, склонившегося над столом мужчины.

– Да, милая... Мне сообщили, что я должен покинуть твою страну. Я пишу, чтобы меня оставили здесь, рядом с тобой, еще ненадолго... – он накрыл девичью кисть своей

³³ Вид римской провинции, заключающийся в компактном проживании отдельного народа – этноса.

³⁴ Жрец Римского бога Феба, считавшегося покровителем любви, красоты и плодородия.

ладонью, повернул бритое лицо к ней и виновато улыбнулся.

– Но... Но, я тяжела от тебя... – она отпрянула от него и умоляюще сложила красивые руки на девичей груди, ее лицо выражало неподдельный ужас.

– Не бойся! Ты понесла не от меня, а от бога, которого я впустил в себя! Кроме того, если не ошибаюсь, ты принадлежишь к древнему роду. Твои соплеменники не посмеют причинить тебе зло!..

Бритое лицо мужчины осветилось улыбкой. Он приблизил ее к себе и крепко поцеловал в губы.

«Квинт Максимус! Запомни этого иноземца...», – сказал мне кто-то невидимый.

Отец был вне себя от гнева! Его седая борода топорщилась в разные стороны, глаза яростно сверкали, казалось, сейчас они вылетят из глазниц, как камни, из пращи.

– Как ты могла, дочь?! Что ты наделала? Ты понесла от язычника! По доброй воле!.. Какой позор! – отец в бессилии рухнул на единственный табурет у стола и опустил голову.

– Ты хоть понимаешь, в какую ситуацию мы с тобой угодили?! Такой позор для нашего уважаемого рода! Храм разграблен такими же язычниками... Люди перестали приносить жертвы в Доме божьем, у меня никто не покупает цыплят и мышат – нам скоро нечего будет есть... Что нам делать с этим ребенком?.. Что?! – отец поднял обреченный взгляд.

– Твоя старшая сестра Елизавета могла бы помочь с твоим

замужеством... А теперь?! Что нам делать теперь?.. – вторила отцу мать, стоявшая, до того, в стороне, – Кому ты будешь нужна?..

Девушка, не в силах больше выносить родительские причитания, закрыла лицо руками и бросилась в свою комнату, и там, упав ничком на соломенную лежанку, предалась своему горю.

Голос матери вернул ее из легкого забытья, в которое она провалилась от слез.

– Мы подумали с отцом... – она присела рядом, – Тебе придется спрятаться до разрешения от бремени... Мы надеемся спрятать тебя в общине ишеев...

– Где тебя заставят работать с утра до ночи и прикасаться там к твоему телу побрезгуют! – слышались крики отца из соседней комнаты, – Какой позор!.. Что ты наделала!?!

– А после родов, ишей охотно оставят этого ребенка у себя, и ты сможешь вернуться домой. Бедная, моя девочка... – дрожащая мамина рука, не переставая гладила ее по волосам.

– Мириям, сестричка, я так давно тебя не видела! – тонкие пальцы Лизы, с накрашенными хной, по последней ромейской моде, ногтями мягко обхватили запястья Мириям, но та старательно отводила взгляд от счастливых глаз сестры

и даже попыталась высвободить свои руки.

– Что с тобой, милая моя, Мириям? – разволновалась Елизавета.

– Ты... ты... – Мириям готова была разрыдаться.

Все обидные слова, которые она приготовила для сестры, превратились в тихие всхлипы.

– Пойдем скорей к Храму, тебе надо обязательно помолиться Ему, – Елизавета властно повлекла свою младшую сестру к ступеням, где была женская половина.

Мириям хотела скорей рассказать Елизавете о том, как коварно поступил с ней ромейский жрец, с которым она ее познакомила, но та не дала ей и рта открыть.

– Молись, Мириям, и Он обязательно поможет тебе, как помог мне и Захарию! – щебетала Елизавета, словно веселая птаха.

Елизавета накрыла голову покрывалом и опустилась на колени перед ступенями Храма, а затем потянула к себе Мириям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.